

КРЕСТЬЯНЕ И ГОРОЖАНЕ

ТАДЖИКСКИЙ АВЛОД ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ СПУСТЯ...

© 1991

В. И. БУШКОВ

Индивидуальная психология, индивидуальные интересы, малая семья еще не внедрились глубоко в таджикское общество. В основе его лежит авлод — род, объединяющий живых и мертвых агнатных родственников, во многом определяющий судьбы и интересы живых.

Семейно-родовые отношения у таджиков изучались в основном применительно к концу XIX—началу XX столетия¹ в свете борьбы новых, прогрессивных форм с «феодально-байскими пережитками», причем в качестве эталона принималась модель европейской городской семьи², в сопоставлении с которой, быть может не всегда осознанно, интерпретировался среднеазиатский материал.

Лишь в самое последнее время делаются попытки дать объективную, системную картину социальных структур³. Толчком к таким исследованиям послужило и появление в прессе многочисленных фактов, игнорировать которые стало невозможно⁴.

Картина, которую мы попытаемся изобразить, специфична именно для таджикского общества. У кочевых и полукочевых тюркоязычных народов род и семья являлись частью племенных и родо-племенных структур. У оседло-земледельческих тюркоязычных групп (в том числе и у тех, которые были известны под именем сартов) также еще силен груз родо-племенных отношений, и к тому же они, в силу естественных причин, испытывали более сильное влияние соседей скотоводов⁵.

Нижнюю ступеньку социальных структур у таджиков, как и у других народов, занимала семья. Но этнографы неоднократно отмечали, что для Таджикистана

¹ Н. А. Кисляков. Большая патриархальная семья у таджиков долины Ванджа. — Вопросы истории доклассового общества. М.—Л., 1936; *оп. же.* Следи первобытного коммунизма у горных таджиков Вахьо-боло. — Труды Института антропологии, этнографии и археологии АН СССР. Т. 10. М.—Л., 1936; *оп. же.* Семья и брак у таджиков (по материалам конца XIX—начала XX в.). М.—Л., 1959; Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев. — Среднеазиатский этнографический сборник. Т. 2. М., 1959; В. М. Пещерева. Колхозная семья. — Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. М.—Л., 1954.

² Н. П. Лобачева. Социальные институты древности в жизни современной семьи народов Средней Азии. — Семья. Традиции и современность. М., 1990, с. 28.

³ Н. П. Лобачева. Указ. соч., с. 27—50; Л. Ф. Моногарова. Проявление этнических процессов в семейно-брачных отношениях в городской семье таджиков. — Семья. Традиции и современность, с. 170—203; Т. А. Жданко, О. А. Галицкая, Н. П. Лобачева. Семья у народов Средней Азии и Казахстана. — Семейный быт народов СССР. М., 1990, с. 440—518.

⁴ Л. Мажалов. В списках порядок, а в отдаленных кишлаках есть неграмотные дети. — Известия. 1.III.1987; Э. Гафаров. Драматические женские судьбы. — Правда Востока. 6.II.1988; И. Пасеев. Семья-то большая. — Литературная газета. 27.I.1988; С. Тисленко. Сколько стоит свадьба. — Труд. 25.IX.1988; Н. И. Лычагина, А. С. Чамкин. Влияние культурных традиций Востока на хозяйственную деятельность. — Социологические исследования. 1989, № 4, с. 13—45; М. Бердыев, Ф. Ильясов. Сколько стоит повесть. — Туркменская искра. 15.IV.1990; Здесь легко обрывается детская жизнь. — Комсомольская правда. 13.VI.1990; Н. А. Каримова. Вернуть доверие людей. — Правда Востока. 22.VII.1990; Т. Хидиоров. Семья. Что с ней происходит? — Туркменская искра. 24.VIII.1990.

⁵ Н. П. Лобачева. Значение общины в жизни семьи (по материалам свадебной обрядности хорезмских убаков). — Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус, 1989, с. 47.

характерна не малая, а неразделенная семья, которая является последней стадией большой патриархальной семьи. Это значит, что в одном дворе, в одной общей или в нескольких рядом расположенных постройках совместно проживают несколько поколений (обычно три-четыре) родственников по мужской линии со своими семьями. Такая семейно-родственная группа сообща владела землей, рабочим скотом, орудиями труда, вела совместное хозяйство, совместно питалась. Такие семьи соотвечествовали восходящей ко времени разложения первобытнообщинного строя классической большесемейной общине, которая, по определению Ф. Энгельса, «охватывает несколько поколений потомков общего отца вместе с их женами, причем все они живут вместе одним двором, сообща обрабатывают свои поля, питаются и одеваются из общих запасов и сообща владеют излишком дохода»⁶.

М. С. Андреев и А. А. Половцев сообщали в начале XX в., что в Шугнана, Горане, Ипкахиме, Вахане и Зебаке члены одной семьи стараются жить вместе, не разделяясь. Часто встречаются семьи в 30—40 человек; например, в селении Вранг, которое ранее обследовалось А. А. Бобринским⁷, отмечена семья некоего Мирабона, насчитывающая 116 человек⁸. По свидетельству путешественника Вуда, в Вахане и Бадахшане нередко в одном доме проживают до шести семей⁹. По матерналам Л. Ф. Моногаровой, собранных ею в конце 1940-х годов, в Горно-Бадахшанской автономной области (в дальнейшем — ГБАО) большая патриархальная семья, частью в форме неразделенной семьи (Язгулем, Шугнан, Вахан), состояла из двух или более брачных пар, обычно в двух-трех поколениях¹⁰. Исследуя большую патриархальную семью в Язгулеме, этот же автор пишет, что такая семья, называемая *куд* (дом), насчитывала до 50 членов¹¹.

З. Юсуфбекова отмечала, что в Шугнана «большая семья обозначалась термином *буна*, позднее и сейчас обозначается аналогичным таджикским термином *хоч-жаги* (хозяйство). В среднем семья насчитывала 30—40, а в отдельных случаях и до 60 человек, живущих в одном доме. Такой дом назывался *чид*. В состав семьи входили глава семьи и его жена, их потомки до трех и более поколений, нередко и другие родственники главы семьи по боковой линии — престарелые сестры, братья и племянники»¹². Г. А. Арандаренко применительно к горным областям Таджикистана, Дарвазу и Каратегину, сообщал: «Величина семей колеблется в зависимости от бытовых порядков, раздробляющих домохозяйства выделениями или же удерживающих семейный союз нескольких поколений»¹³. О Каратегине писал А. Е. Снесарев: «Хозяйств в 3—4 души там почти не имеется, а в то же время попадаются семьи в 15—20 и даже более человек; таджики избегают деления семей, женатые сыновья остаются жить под кровлей отца, как во избежание дробления земель, так и по принятым взглядам на семью»¹⁴. Эту же структуру — большую патриархальную семью — наблюдал в Ягнобе А. Н. Кандауров, указавший на ее идентичность семьям других регионов Таджикистана¹⁵.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 21, с. 62.

⁷ А. А. Бобринский. Горцы верховьев Пянджа. (Ваханцы и ипкахимцы). Очерк быта по путевным заметкам. М., 1908, с. 78—80.

⁸ М. С. Андреев, А. А. Половцев. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ипкахимы и Вахан. — Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 1. Вып. 9. СПб., 1914, с. 20—24.

⁹ И. П. Минаев. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. СПб., 1879, с. 191, 193.

¹⁰ Л. Ф. Моногарова. Изменение семейного уклада приамурских народностей за годы социалистического строительства. — IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 3. Используемые для обозначения таких семей термины (*ибана*, *ашголь*, *воз*), строго говоря, означают «хозяйство», «двор», «дйм», т. е. скорее фискальную единицу, чем определенную систему семейно-родственных связей.

¹¹ Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев, с. 13.

¹² З. Юсуфбекова. Семейные отношения внутри большой неразделенной семьи в Шугнана (конец XIX—начало XX в.). — Этнография Таджикистана. Душанбе, 1985, с. 77.

¹³ Г. А. Арандаренко. Дарваз и Каратегин. — Военный сборник. 1883, № 11, с. 157; № 12, с. 303.

¹⁴ А. Снесарев. Восточная Бухара. СПб., 1906, с. 95.

¹⁵ А. Н. Кандауров. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. М.—Л., 1940, с. 16—17.

Детально семейные отношения у таджиков исследовал Н. А. Кисляков, обобщив практически весь известный в тот период фактический материал. Подводя итоги своим изысканиям, он писал: «Можно полагать, что большая патриархальная семья в горных районах Таджикистана во второй половине XIX и в начале XX в. являлась преобладающей формой семьи; эту же форму можно было встретить в эпоху, предшествовавшую русскому завоеванию Средней Азии, и в северных равнинных районах таджикской оседлости. . . » «Характерным для больших патриархальных семей у горных таджиков являлось то обстоятельство, что они основывались на принципах агнатного родства; такие семьи обычно состояли из одного или нескольких стариков — братьев или агнатных братьев — с их женами, их сыновей, женатых на девушках, взятых из других семей, а также незамужних дочерей, выдававшихся затем, как правило, замуж в другие семьи, детей этих сыновей, т. е. внуков старшего поколения, — сыновей постоянно, дочерей до замужества, — а также частью и детей внуков старшего поколения, т. е. правнуков». В качестве примера приводится семья Мирзо Шарифа из кишлака Номиткон в Ягнобе, которая включала главу семьи, его жену, трех сыновей и двух дочерей; кроме того, в доме проживали двое агнатных двоюродных братьев и две агнатных двоюродных сестры хозяйина. Основным и важнейшим исследованием считает тот факт, что «большие семьи у таджиков были связаны главным образом агнатным родством»¹⁶.

Подобные семьи, как показывают полевые исследования последних лет, вопреки бытующему мнению об их практически полном исчезновении и пережиточном характере оставшихся, широко представлены в Таджикистане и до сих пор являются структурной основой таджикского социума¹⁷. Даже в Северном Таджикистане, одном из наиболее урбанизированных регионов, где, как считалось, малая семья давно вытеснила большую, традиционные формы семей весьма широко распространены. Такие семьи нам пришлось наблюдать даже в столице области — Ходженте. Например, семья ходжентца Файзулло Махмудова до 1988 г. состояла почти из 20 человек: глава семьи, его жена, 4 сына с женами и детьми. Все проживали в одном дворе, где каждая малая семья имела отдельное помещение в виде компаты с небольшой прихожей-кухней. В то же время один из сыновей главы семьи, женившись, отделился и переехал жить в городскую квартиру жены в Кайраккум, а дочь главы семьи, выйдя замуж, перешла в семью мужа в этом же городе¹⁸.

В Северном Таджикистане большие патриархальные семьи, проживавшие в одном дворе, обозначаются термином *тул*. Например, селение Папши-таджик, не имевшее собственно квартального деления, разделялось на части, населенные родовыми группами: калъ-тул и джалангир-тул. В селении Метк проживали тули Козиги, тули Хофизы, тули Муллонегмат, тули Нисзи, тули Муллотолиби (Нодир), которые занимали определенные участки-хавли¹⁹.

Специалистам достаточно известен такой институт таджикского общества, как *авлод*. Под *авлодом* (от арабского «сын») таджики понимают род как совокупность живущих и уже умерших родственников по мужской линии (и их жен), восходящую к одному предку. У различных групп ираноязычного населения Таджикистана такие родственные структуры были известны и под другими названиями: у язгулемцев — *каум*, у шугнанцев — *гру*, у ваханцев — *тузм*, у матчинцев — *хейш*, у других горных таджиков — *каум* / *каун*, *тойфа* и *килда*, у равнинных таджиков — *каум*²⁰. Мы здесь будем использовать термин *авлод*, как наиболее распространенный.

¹⁶ Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков, с. 29, 31—32.

¹⁷ Полевые материалы В. И. Бушкова за 1970—1980-е годы. В Душанбе готовится к изданию исследование современной таджикской семьи, выполненное Л. Ф. Моногаровой и Н. Мухиддиновым, где дана детальная классификация традиционных и новых типов и видов семьи.

¹⁸ Полевые материалы В. И. Бушкова за 1980-е годы.

¹⁹ Полевые материалы В. И. Бушкова за 1970 и 1978 гг.; М. Файзуллоев. Таджики предгорий Северного Таджикистана. Хозяйство и социальная организация (конец XIX — первая треть XX в.). Канд. дис. М., 1987, с. 471.

²⁰ Зафиксированы случаи использования таджиками узбекских терминов. Так, в селении Ругунд одна из родовых групп называлась *ругун-нози* — род судей, по это, видимо, свидетельствует о тюркском происхождении основателя рода.

Разными исследователями давались различные толкования этого феномена. Некоторые определяли его как род, другие — как семейно-родственную группу или патронимную, третьи — как патриархальные семейные общины. Такой разноречивой в характеристиках происходил, видимо, еще и потому, что приходилось вписывать конкретный материал в прокрустово ложе некоторых принятых концепций. Если 20—30 лет назад господствовало мнение, что «местами среди таджиков сохранялись и следы когда-то господствовавших родовых отношений. . . »²¹, то теперь признается, что «недостаточно указать на пережитки прошлого и традиций (в семейно-родственных отношениях. — Б. В.), ведь они не только сохраняются, но и возникают вновь, несмотря на коренные преобразования в социальных республиках Средней Азии. . . »²².

Следует отметить, что мнение о разложении института *авлода* и существовании его лишь в пережиточной форме основано на двух недоразумениях. Первое связано с анализом сообщений средневековых источников²³ или материалов археологических раскопок²⁴ о существовании уже в раннем или в развитом средневековье малых семей. Однако это вовсе не является свидетельством замены больших патриархальных семей малыми. Все дело в том, что жизнь *авлода* со всеми его подсистемами, как и жизнь любого социального организма, имеет не линейный, а циклический характер. Проходя через определенные циклы развития, *авлод* непрерывно воспроизводится, причем стремится воспроизвестись без изменения прежних структур и систем. Иное дело, что реально существует и другая линия развития — трансформационная, но она имеет исключительно адаптивный характер. Взаимодействие этих двух линий, их постоянное взаимовлияние и составляют сущность развития этих социальных структур.

Верхний предел жизненного цикла *авлода* был задан представлениями о его существовании в течение 7 поколений (иногда от 5 до 12), нижний определялся конкретной социально-экономической ситуацией. Это, конечно, не означало, что через семь поколений *авлод* автоматически разделится на ряд малых ячеек (*тул*), каждая из которых станет зародышем нового *авлода*. Дело обстоит значительно сложнее и связано, на наш взгляд, не только с численным ростом *авлода*, но и с изменением и ухудшением условий совместного хозяйствования (из-за тесноты, невозможности прирезки или освоения новых земель и т. д.), а также с воздействием различных внешних факторов. Известно, что темпы прироста населения в средние века и вплоть до последней трети XIX в. были невелики — всего около 0,3 % в год²⁵. Это позволяло поддерживать общую численность членов *авлода*, при бла-

²¹ Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 2. М., 1962, с. 543.

²² Т. А. Жданко. Семья. — Семейный быт народов СССР. М., 1990, с. 469.

²³ Н. А. Кисляков. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1969, с. 14.

²⁴ Е. Е. Перазик. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). — Из истории жилища и семьи. Археолого-этнографические очерки (Труды Хорезмской экспедиции. Т. 9). М., 1976, с. 205—234; Ю. Я. Янбуев. О структуре сельских поселений горного Согда в раннем средневековье. — Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979, с. 75; В. И. Велецкий, Б. И. Маршак, В. И. Распопова. Социальная структура населения древнего Пенджикента. — Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979, с. 19—26. Вряд ли правомерно судить о формах семейно-родственных структур общества лишь на основании количества помещений и очагов в доме (при всей важности этих артефактов). Так, при раскопках так называемой кайраккумской культуры эпохи бронзы (побережье Сырдарьи в Монибадской области Таджикистана) на поселениях были открыты постройки значительных размеров, в каждой из которых проживали отдельные родовые группы. В этих домах каждая малая семья имела собственный очаг. Число очагов в доме колебалось от 5 до 20. В наше время подобная ситуация является едва ли не главным аргументом в пользу тезиса о разложении *авлода*. Между тем едва ли приходится сомневаться, что в эпоху раннеклассового общества, когда существовала кайраккумская культура, родовые и племенные отношения и интересы преобладали над семейными и индивидуальными.

²⁵ А. В. Врикоцкий. О просторности и населении Туркестанского края. — Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Вып. 1. СПб., 1872, с. 131. Среди специалистов даже бытовало мнение, что в Таджикистане «высокая рождаемость сочеталась. . . с огромной смертностью и величина естественного прироста либо была близка к нулю, либо имела отрицательное значение». См.: В. А. Серебряков. К характеристике основных демографических процессов среди населения Южного Таджикистана. — Питание и здоровье колхозников Южного Таджикистана (Труды Института красной медицины АН ТаджССР. Т. 2). Душанбе, 1962, с. 30.

гоприятных условиях, на приемлемом для нормального хозяйствования уровне. Однако крайне нестабильной была военно-политическая обстановка. И речь идет не только о таких крупнейших военно-политических событиях, как, например, монгольское завоевание, в результате которого были истреблены многие сотни тысяч местных жителей, но и об обычных феодальных усобицах или способах местного государственного управления, зачастую не уступавших по своему негативному воздействию на население последствиям внешних нашествий. Добавим периодические неурожаи и падежи скота, болезни и эпидемии, и станет ясно, что целостность авлодов постоянно находилась под вопросом. Можно также напомнить и об аспекте, как правило, не учитываемом историками и этнографами. Это — качество здоровья населения, вызванное хроническими недостатками в структуре питания. Между тем специалисты-медики отмечали: «Подавляющее большинство дехкан-таджиков жило в условиях тяжелой материальной нужды. В горных местностях, где ощущался крайний недостаток пахотной земли, дехкане, наряду с обычными продуктами питания, пользовались различными суррогатами, напоподобие плодов шелковицы и корней ферулы, характеризующимися низким содержанием азотистых веществ.

В результате скудного и однообразного, преимущественно углеводистого питания население этих горных местностей отставало в физическом развитии, здесь отмечалась высокая заболеваемость и смертность, особенно детей»²⁶.

В возрастной структуре исключительно малый процент составляли жители старших возрастов. В 1917 г. доля лиц от 60 лет и старше была лишь 5 % от общей численности населения. И лишь в последующие десятилетия она начала расти. В 1926 г. доля лиц от 50 лет и старше равнялась всего 10 %, в 1937 г. — 8,8, в 1952 г. — 13,9 %²⁷. В то же время такая структура, видимо, способствовала устойчивому и весьма высокому рейтингу пожилых лиц как носителей традиций и опыта и косвенно служила стабилизирующим родовые отношения фактором. Таким образом, авлод постоянно испытывал на себе прямо противоположные воздействия, что позволило ему за тысячелетия выработать гибкий и эффективный механизм адаптации.

Косвенным свидетельством ограниченности жизненного цикла конкретных авлодов и в то же время непрерывности их бытия как общественного явления служит численность населения кишлаков среднеазиатских оазисов после присоединения края к России. В Северном Таджикистане (Ленинабадская область) еще в 1870 г. из 386 населенных пунктов 72 селения (15,2 %) имели численность не более 10 хозяйств, т. е. были заселены, как правило, одной семейно-родственной группой, а 284 селения (60,1 %) имели численность до 50 хозяйств, т. е. в них проживало всего 2—3 авлода. Через 60 лет, в 1932 г., в связи с ростом населения здесь со 143,4 тыс. до 445,8 тыс. и увеличением числа поселений до 605, ситуация существенно изменилась. Селений численностью до 10 хозяйств стало 54 (8,9 %), а до 50 хозяйств — 224 (37,0 %)²⁸. Полевые материалы убедительно подтверждают, что новые селения первично заселялись отдельными, выделившимися из прежних авлодов небольшими семейно-родственными группами (тупами)²⁹.

Второе недоразумение основано на игнорировании факта демографического взрыва рубежа XIX—XX вв. При ускорении естественного прироста населения Средней Азии после присоединения к России с 0,3 до 2,5 % и выше, т. е. в 8 раз на протяжении 30—40 лет, произошло практически одновременное массовое «разбухание» всей совокупности авлодов. Отсюда — невозможность жизнеобеспечения этих семейно-родственных структур без их раздела, так как не только все наличные орошенные земли были давно поделены, но и отсутствовала возможность созда-

²⁶ М. К. Абдурашманов. Важнейшие особенности питания колхозников передовых колхозов Южного Таджикистана. — Питание и здоровье колхозников. . . , с. 35.

²⁷ В. А. Серебряков. Указ. соч., с. 81—82.

²⁸ В. И. Бушков. Население Северного Таджикистана (формирование и расселение). Канд. дис. М., 1988. Прил.: табл. 5, 6.

²⁹ А. Н. Кандауров, изучая селения Ягноба и их структуру, подчеркивал: «Группировка жилищ в селении, характер расселения ягнобцев мелкими поселениями, кварталами и выселками находит свое объяснение в родовой организации общества, отжившей уже в качестве социального организма. . . » (см.: А. Н. Кандауров. Указ. соч., с. 53).

ния в кратчайшие сроки новых поливных земель³⁰. Результатом стало массовое разделение авлодов в конце первого десятилетия нынешнего века — событие поистине историческое. Ситуация, которая стала предметом изучения и анализа для нескольких поколений этнографов, начиная с 1920-х годов, в сущности, являлась аномальной. При средней продолжительности цикла жизнедеятельности авлода в 140—175 лет³¹, в данном случае изучались структуры, которым было 15—20 лет, т. е. находившиеся в «младенческом возрасте».

Рассмотрим отношения «малая семья — большая патриархальная семья — семейно-родственная группа (авлод)» как единую социальную систему.

Все исследователи единодушно соглашались, что основные средства производства принадлежат не малой семье, а структурам более высокого порядка. «Это неразделенное хозяйство базировалось в первую очередь на неразделенном владении землей, являвшемся фундаментом такой семьи. . . Неразделенность земельных владений. . . сохранялась на всем протяжении существования патриархальной семьи, никакого разделения семьи между малыми семьями не было»³². В общем пользовании больших семей находились также рабочий скот и основные орудия труда.

Во главе такой семьи стоял старший мужчина, называемый *калантари хона* (глава дома) или *колони хона* (большак), его преемником становился, как правило, старший сын и лишь в особых случаях — кто-либо из других братьев по соглашению между ними. Такого преемника отец мог назначить своим заместителем. Заместитель назывался *мусафед* (белобородый) и представлял семью перед внешним миром. Глава же семьи был представителем семейной общины перед властями (сдача налогов и выполнение всяческих повинностей). В случае невыполнения общиной тех или иных обязанностей именно *калантари хона* подлежал наказанию, в том числе телесному. Внутри же семейной общины он осуществлял полную и безусловную юрисдикцию, ведал финансами и имуществом, распределял все виды хозяйственных работ между мужской частью семьи. В ходе таких работ вырабатывалась и строго соблюдалась специализация: один из братьев пахал, другой пас скот, третий торговал на базаре и т. д.

Такой порядок не оставляет места для экономической и социальной самостоятельности малых семей. Еще более полувека назад Н. А. Кисляков писал, что малая семья не является экономической организацией в роде, в патриархальной же семье она становится экономической единицей³³. Отметим, что вторая часть этого утверждения противоречит фактическому материалу самого исследователя, так как и в большей патриархальной семье малая семья самостоятельной экономической единицей не является. Более четко заявила об этом феномене Л. Ф. Моногарова: «Семья таджиков. . . не автономна даже в повседневной жизни, она является ячейкой кровнородственного социального института — семейно-родственной группы (патронимии: авлода, кауфа)»³⁴. Добавим, что самостоятельная функция малой семьи ограничивалась воспроизводством рода (не в этом ли сохраняющаяся до настоящего времени ориентация на многодетность, когда интересы рода подавляют интересы индивидуума и даже наносят ему физический и физиологический вред!). Ее хозяйственные функции не имели обращенных на себя задач, а являлись частью общехозяйственных функций авлода. Этот важнейший вывод исследователей полностью сохраняет свое значение и в настоящее время.

³⁰ Эта ситуация отмечалась этнографами. Например, Н. А. Кисляков указывал, что «особенно в конце XIX и в начале XX в. количество свободной земли становится все меньше и меньше и она постепенно делается объектом купли-продажи. Непрерывно поднимаются и цены на землю. По имеющимся данным, в Каратегине участок земли, стоявший во времена последних независимых правителей (60—70-е годы XIX в.) 20 бухарских тенга, к концу бухарского владычества ценится в 500 тенга» (см.: Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков, с. 13).

³¹ Анализ реальных семейно-родственных отношений в сопоставлении с официальной семейной статистикой по данным Л. Ф. Моногаровой см.: Семейный быт народов СССР, с. 475.

³² Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков, с. 34; *он же*. Наследование и раздел имущества у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1977, с. 67.

³³ Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма. . . , с. 42.

³⁴ Л. Ф. Моногарова. Проявление этнических процессов. . . , с. 179.

Рассмотрим территориальные, пространственные условия существования большесемейных общин. Выше уже упоминалось проживание в одном дворе, со всех сторон окруженном дувалом. Еще несколько десятилетий назад существовал другой тип жилища: большой дом массивной постройки, состоявший из одного помещения с колоннами внутри. Все малые семьи размещались на возвышениях-суфах вдоль стен, где за каждой из них было закреплено определенное место³⁵. В домах, построенных позднее, каждая семья имеет отдельную комнату. Однако и в этом случае для трапезы собираются все вместе. При строительстве новых большие старые дома не разрушались, сохранившись кое-где и до наших дней. В качестве примера можно привести двор/хозяйство Боко Бойматова (умершего в середине 1970-х годов) из селения Метк. Основой жилого комплекса этой семьи был старинный жилой дом, квадратный в плане, с двумя колоннами-*сутун* в центре, общей площадью около 40 кв. м, построенный во второй половине XVIII в.³⁶ Такой двор/хозяйство со всеми жилыми и хозяйственными постройками, расположенными на одном земельном участке, обозначался термином *хавли* (участок).

Название *хавли* сохранялось за определенной территорией и при формальном выделении из авлода новых семейно-родственных групп (туп), так как последние по традиции всегда стремились поселиться по соседству со своими родственниками. В этой связи можно отметить, что продолжающиеся до настоящего времени споры между этнографами о сущности таких понятий, как *авлод*, *кау*, *хавли*, *махалла/гузар* и им подобные, в большинстве случаев бесперспективны, поскольку эти понятия не отграничиваются и не разделяются на содержательно-смысловые группы. Необходимо учитывать, что термины типа *туп*, *авлод* и *кау* характеризуют сущность родственных структур, относящихся к управляюще-регулирующим системам, тогда как термины *хавли* и *махалла*, как и *кишлак*, имеют прежде всего территориальное содержание и относятся к организующим системам. Смысловое, содержательное совпадение этих аспектов в ряде случаев в едином понятии (например, *махалла*) не должно нас смущать, так как эти группы понятий соотносятся между собой, как форма и содержание.

В простейшем случае территория проживания одной семейно-родственной группы могла в административном плане соответствовать, как это было показано выше, понятию *кишлак* (*деса*, *дига*, *мен/майи*), т. е. отдельному селению. Если в селении проживало несколько семейно-родственных групп, то первоначально каждая из них занимала участок-хавли. По мере разрастания и разделения авлодов эти участки образовывали кварталы — махаллы или гузары. Как отмечала Л. Ф. Моногарова, «тип селения, характерный для Язгулема, — это многоквартирный кишлак „дига“, характеризующийся расселением родственных группами. . . План кишлака Андербаг отчетливо показывает деление его на ряд кварталов, каждый из которых, имеющий свое название, занят определенным кауом. Так „Вобат“ и „Кала“ занимают члены каума „Мирбони“, квартал „Турат“ населяют члены каума „Холумбеги“, а „Ширингиб“ занимают члены каумов „Турк“ и „Шуляк“»³⁷.

³⁵ См., например: Н. А. Кисляков. Жилище горных таджиков бассейна реки Хинггу. — Советская этнография. М., 1939. вып. 2; А. С. Давыдов. Традиционное жилище таджиков Верхнего Зеравшана. — Советская этнография. 1969, вып. 6; В. Л. Воронина. Народная архитектура Северного Таджикистана. М., 1959.

³⁶ Нас не должно удивлять возраст таких домов, возведенных якобы из недолговечных материалов. Дело в том, что их каркас и поддерживающие кровлю колонны изготавливались из древесины арчи, почти не подверженной гниению (до 500 лет без гниения в земле), а кроме того, регулярны были ремонтные работы. Известен случай, когда в 1969 г. в селении Угук при сносе такого старого дома на его потолочной балке (*жари*) была обнаружена дата строительства, соответствовавшая 1582 г. Эти факты документируют продолжительность жизненного цикла такой части Таджикистана на рубеже XIX—XX вв. В связи с массовым разделением авлодов в это время, о чем уже говорилось, понадобилось значительное количество новых строительных материалов, и прежде всего древесины. Старые дома были достаточно трудоемки и требовали отборного, высококачественного леса. Между тем арчевые и, частью, берзовые леса, пригодные для строительства, были к этому времени практически сведены и в строительстве стали применяться низкосортные и менее долговечные виды древесины (тополь, ива), что и послужило причиной смены типа жилища.

³⁷ Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев, с. 37.

Любопытно, что параллельно с трансформацией понятий по линии *хавли-махалла* происходит и соответствующее изменение сущностных в отношении родственных групп понятий. Так, идентичные в целом понятия *авлод* / *кау* могли становиться и в иерархическую позицию, когда понятие авлод продолжало относиться к одной семейно-родственной группе и в территориальном плане соответствовать хавли, а понятие *кау* — уже к группе родственных в прошлом авлодов и в территориальном плане соответствовать махалле. Такая ситуация достаточно широко зафиксирована в 1970-х годах в Северном Таджикистане. Например, если в селениях Кали Дусти и Новобод (Ганчинский район) в каждом гузере проживали авлоды-кауы, то в селении Нижний Дальян того же района или в селении Палдорак (Верхний Зеравшан) в каждом территориальном образовании размещался *кау*, состоящий из нескольких авлодов. Любопытна и хронологическая трансформация этих структур. Если в 1970 г. в Матчи семейно-родственные группы обозначались термином *хейш*, а *авлод* понимался как равнозначный, но малоупотребительный термин, то в 1990 г., т. е. всего через 20 лет, массовым термином стал *авлод*, а *хейш* начал обозначать совокупность нескольких родственных авлодов³⁸.

В современной ситуации, при крайней тесноте в селениях, когда в большинстве кварталов проживают никогда не состоявшие в родстве семейно-родственные группы, понятие *махалла* уже часто не связывается с определенной системой родственных отношений и имеет чисто территориальный характер (соседская община).

И наконец, самое главное. Читатель легко мог заметить определенную нечеткость в разграничении понятий «большая патриархальная семья», «семейно-родственная группа» и *авлод*. Если внимательно рассмотреть вопросы собственности этих структур, характер внутригрупповых правовых отношений и территориальной организации, эпонимический характер самоназваний, то окажется, что все семейно-родственные группы (за исключением вновь образованных) являются неотъемлемой частью авлода. Лишь внешне пахотная земля находилась во владении больших патриархальных семей, на самом же деле она была собственностью рода. Существовало специальное понятие для такой земли — *мулки авлоди* (авлодный мулк, земля), которая отличалась от земли *мулки бобоги* (дедовский мулк, земля) и тем более от *мулки падари*, *додови* (отцовский мулк, земля). Если право на две последние группы земель осуществлялось на основе шариата, то право на мулки авлоди регулировалось адатом³⁹. Авлоду-роду принадлежали также и пастбища. В его собственности находились кладбища (позднее — участки на кладбищах), общественные здания (*алаухона*, *мехмонхона*) и культовые сооружения (мечети). Авлоду не так давно принадлежало и право кровной мести. Авлод носил имя своего предка-основателя⁴⁰.

Чем же отличались большие патриархальные семьи (патриархальные семейные общины) от авлодов? Только тем, что они представляли собой совокупность одновременно живущих кровных родственников. Таким образом, каждый авлод состоял как бы из двух частей: из живущих и из уже ушедших из жизни. Иногда пишут, что патриархальные семьи, или патриархальные домашние общины, образовались путем разделения единого агнатного рода на ряд кровнородственных общин⁴¹. Подобные рассуждения предполагают паличие в прошлом такой ситуации, когда агнатный род одновременно мог существовать в полном составе (т. е. в составе семи и более поколений), что, естественно, было невозможно. Поэтому авлод — в определенном смысле идеальная, теоретическая конструкция. На прак-

³⁸ Полные материалы В. И. Бушкова за 1970 и 1990 гг. Трудности в оценке понятий, отражающих также трансформационные процессы, хорошо видны в работах некоторых современных исследователей. См., например: М. Файзуллаев. Таджики предгорий Туркестанского хребта. М., 1987. с. 166—185.

³⁹ М. Файзуллаев. Таджики предгорий Туркестанского хребта, с. 135—136.

⁴⁰ Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев, с. 54; она же. Изменение семейного уклада приамирских народностей. . . , с. 4; она же. Семейно-родственные группы и их роль в жизни современной сельской семьи таджиков Южного Таджикистана. — Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1986—1987 г. Тезисы докладов. Сухуми. 1988, с. 136; Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма. . . , с. 26—27, 37.

⁴¹ Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма. . . , с. 38.

тике он всегда существовал в виде различных вариантов отдельных семейно-родственных групп или больших патриархальных семей (общин). Как целостный род такие структуры понимал еще в прошлом веке знаток жизни Бухары и Афганистана Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки, когда сообщал о таджиках Бадахшана, что они проживают и селятся целыми родами⁴².

Нельзя обойти и такую важнейшую часть духовной сферы членов родовых групп, как вера в духов предков — *арвохов*⁴³. В литературе отмечалось, например, что в дни праздников члены родовой группы собиравшись в доме старейшины и все вместе совершали молитву *ба арвохи боби* («духам предков») ⁴⁴. Эта иррациональная вера носила достаточно конкретный характер. Арвохи были персонафицированы в совокупность конкретных предков конкретного рода. Таджики верили, что духи их предков постоянно следят за жизнью потомков, в необходимых случаях вмешиваясь в нее. Отражением таких воззрений служат поговорки типа *арвох зада* (*арвох бузан*), что примерно соответствует идиоме «духи предков накажут плохо поступающего». Таджики говорят также: *Худо зада бошу арвох зада не* («Если бог тебя бросит, то это ничего, а если бросит арвох, то жизнь пропадет»). Подобные примеры можно было бы умножить⁴⁵.

Родовые кладбища, как правило, оформлялись главной могилой-мазаром, где был похоронен основатель рода. Полевые материалы показывают, что значительная часть из существующих в Северном Таджикистане нескольких сотен кладбищенских «святых мест» представляют собой могилы таких глав родов и имеют прямое отношение к культу предков. С этими мазарами у таджиков также связан большой комплекс традиций и обрядов. Члены родов ощущали постоянную связь со своими предками и даже зависимость от них. Все это способствовало идеологическому объединению родичей, осознанию ими себя единой общностью, составляло духовный фундамент жизни, своего рода стержень, смысл существования авлода, легитимировало родовые права живущих старейшин.

Следует признать, что в последние годы облик авлода сильно изменился. Причина — качественные изменения в отношениях собственности, которые последовали вскоре после установления Советской власти, всего лишь через 10—20 лет после тех трансформаций авлода начала века, о которых шла речь выше. Ликвидация частной (а по сути — авлодной) земли в рамках коллективизации; качественное изменение государственных структур и, как следствие, отношений между общиной и государством; не только прямой запрет, но и борьба средствами государства со старой идеологией — исламом — в лице прежде всего носителей исламской учености, большая часть которых были специалистами в области как мусульманского права, так и исламизированного адата; тотальный контроль над личностью с принудительным регулированием поведения — все это, естественно, оказало сильнейшее давление на низовые социальные структуры.

Авлод и в условиях такого тотального воздействия показал исключительно высокие адаптационные возможности. На коллективизацию и изъятие земли и скота авлод ответил созданием колхозов по авлодному принципу⁴⁶. Позднее отсутствие достаточной для полного самообеспечения земли заставило авлод сменить экономический базис. Уже с 50-х годов экономической основой авлода становится общий фонд заработной платы. В настоящее время это широко практикуется и в равнинной части Таджикистана, в том числе и в городе⁴⁷. Одним из путей адап-

тации авлода стало решение профессиональных судеб входящих в авлод мужчин. Сейчас отцы часто решают судьбу сыновей следующим образом: первый сын идет в торговлю, второй — на предприятие пищевой промышленности, третий — на предприятие легкой промышленности, четвертый — в милицию, пятый получает высшее образование и становится преподавателем и т. д.

Авлод несколько сократил численность совместно проживающих членов, раздробив их на относительно небольшие дислокальные группы, в селе — на разных участках, а в городе — или на участке и в нескольких городских квартирах, или только в городских квартирах.

Существенно повысилась роль традиционной обрядности и культурно-духовной сферы как средств компенсации экономических потерь. В последние годы в деревне многие входящие в авлод молодые семьи фиктивно выделяются, чтобы иметь возможность получить дополнительный участок земли. Поскольку государство не обеспечивает возможность содержания многодетных семей, сельские авлоды стали специализироваться на товарных культурах⁴⁸. Это, естественно, обострило противоречия между интересами государства и среднеазиатского общества.

Итак, социальная структура таджикского общества существенно отличается от той европеизированной модели, которую в ней хотели видеть. В основе этой структуры лежит кровнородственная родовая группа — авлод. Малая семья так и не стала первичной ячейкой общества. Родовая община обладает всем комплексом систем жизнеобеспечения, внутриэкономическими, правовыми, территориальными, духовно-культурными и идеологическими механизмами, делающими ее своего рода «микросообществом» и обеспечивающими ее выживаемость, относительную самостоятельность и приспособляемость. Она в целом носит традиционный характер. Можно предполагать, что ее основа — авлод — существует многие и многие столетия. Даже в условиях последних десятилетий не произошло становления индивидуального, личностного сознания. Сознание осталось в полной мере общинным, авлодным⁴⁹. Интересы рода продолжают превалировать над интересами отдельной личности или малой семьи.

В этой ситуации становятся понятными многие коллизии общественных отношений в Таджикистане, особенно связанные с нарушениями законов. Законы нашего государства носят преимущественно личностный, индивидуализированный характер, регулируя поведение отдельной личности, тогда как сознание населения осталось преимущественно коллективистским, в том числе и в правовом плане (адат и, частично, шарият).

В настоящее время наблюдается двойственный процесс. В связи с новой земельной политикой и раздачей государственных земель в «личное» пользование происходит определенное укрепление авлодных структур. Но другие факторы (демографический супервзрыв, крайнее экологическое неблагополучие, острейший земельно-водный голод и т. д.) подводят к необходимости качественной трансформации социума.

Каким быть авлоду — покажет ближайшее будущее.

ФЕНОМЕН ЕРЕВАНА: СТАНОВЛЕНИЕ ТРАДИЦИОННОГО СОЦИУМА В СОВРЕМЕННОМ СТОЛИЧНОМ ГОРОДЕ

© 1991

С. В. ЛУРЬЕ

Часто говорят, что процесс индустриализации связан с неизбежным разрушением традиционного общества, ослаблением социальных и семейных связей, ростом индивидуализма, а крупные города всегда тяготеют к полиэтничности. . . Взгляд на

⁴² С. П. Поляков. Указ. соч., с. 100.

⁴³ П. П. Лычагина, А. С. Чамкин. Указ. соч., с. 14.

⁴² Бурхан-уд-Дин-хан и Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. Ташкент, 1926, с. 140—141.

⁴³ Арвох, как показывают новейшие исследования, — одно из древнейших понятий, восходящее, видимо, к периоду верхнего палеолита, а в лингвистическом отношении — к периоду «афро-евразийской» языковой общности. Из хурритских документов XV—XIV вв. до н. э. известно понятие *эри* или *эри*, что означало «глава рода». Последний у хурритов являлся одновременно жрецом домашних богов и духов предков. См.: История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. М., 1988, с. 78.

⁴⁴ Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев, с. 54.

⁴⁵ Полевые материалы В. А. Модведовой за 1969 г.

⁴⁶ С. П. Поляков. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. М., 1989, с. 100.

⁴⁷ Л. Ф. Моногарова. Изменение семейного уклада приамурских народностей. . . , с. 14; Полевые материалы В. И. Вушкова за 1990 г.